

ОТЗЫВ

**на автореферат диссертации Бегешева Ильдара Рустамовича
на тему: «Уголовно-правовая охрана общественных отношений,
связанных с робототехникой»,
представленной на соискание ученой степени
доктора юридических наук по специальности
12.00.08 — уголовное право и криминология;
уголовно-исполнительное право**

Эльвира Гумеровна Юзиханова

*Санкт-Петербургский университет Министерства внутренних дел
Российской Федерации, Санкт-Петербург, Россия
uzikhanovaeg@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4864-9020>*

Для цитирования: Юзиханова Э. Г. Отзыв на автореферат диссертации Бегешева Ильдара Рустамовича на тему: «Уголовно-правовая охрана общественных отношений, связанных с робототехникой», представленной на соискание ученой степени доктора юридических наук по специальности 12.00.08 — уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право // Правопорядок: история, теория, практика. 2022. № 3 (34). С. 120–122.

Review

REVIEW

**on the abstract of the dissertation of Ildar R. Begishev
on: “Criminal law protection of social relations related to robotics”,
presented for the degree of Doctor of Law on specialty
12.00.08 — criminal law and criminology; criminal executive law**

Elvira G. Yuzikhanova

*St. Petersburg University Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, St. Petersburg, Russia
uzikhanovaeg@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4864-9020>*

For citation: Yuzikhanova EG. Review on the abstract of the dissertation of Ildar R. Begishev on: “Criminal law protection of social relations related to robotics”, presented for the degree of Doctor of Law on specialty 12.00.08 — criminal law and criminology; criminal executive law. *Pravoporyadok: istoriya, teoriya, praktika* [Legal and Order: History, Theory, Practice]. 2022;(3):120-122. (In Russ.)

Поступательное развитие информационных и цифровых (в том числе сквозных) технологий однозначно укрепилось в актуальной повестке последних лет. Появление новых объектов права — цифровых продуктов, обусловило ряд взаимодетерминированных сдвигов в привычных механизмах общественных отношений.

Формируются новые механизмы взаимодействия человека и технологии, принимая общие, устойчивые признаки, преобразовываясь в самостоятельные группы общественных отношений, приобретая собственную специфику. Изложенное — есть объективная неизбежность, и современные тенденции формируют достаточные перспективы

для качественного изменения привычного социального взаимодействия: понижается роль человека в выполнении тех задач, которые могут быть алгоритмизированы, искусственный интеллект принимает на себя выполнение даже тех функций, которые ранее выполнялись исключительно человеком и т. д.

Указанные закономерности образуют новые вызовы, в том числе и правовой природы. В немалой степени именно от научно-юридического сообщества социум ожидает адекватной и проработанной реакции на встраивание в общественные отношения высоких технологий, удовлетворение запроса на разработку законодательства, позволяющего эффективно и комфортно реализовывать гражданские права в условиях современного цифрового мира.

Изложенное априори подтверждает актуальность проведенного автором исследования, носящего фундаментальный и основополагающий характер.

Изучение текста автореферата диссертации дает основание полагать, что в результате научного исследования цель диссертационной работы автором достигнута в полной мере, поставленные задачи решены.

Объекты робототехники, крайне многогранный предмет, опосредующий возникновение широкого спектра общественных отношений. В то же время, задача конструирования надлежащей правовой базы осложняется поступательным, продолжающимся развитием технологий робототехники, что диктует необходимость расширенного восприятия робота как объекта субъективного права. Такое понимание не должно ограничиваться существующими научными разработками, а ориентироваться на перспективные технологии и направления развития техники, что необходимо для обеспечения конструктивности вносимых предложений.

Изложенное невозможно в отсутствие достаточного и обоснованного научного прогнозирования, то есть составления собственного видения будущего этапа развития технологии, не существующей в объективной реальности в настоящее время, однако имеющей существенные перспективы к появлению.

На мой взгляд, совершенно справедливо, что автономные робототехнические технологии были включены в предмет исследования. Несмотря на то, что к настоящему моменту их существование в той форме, в которой традиционно принято понимать автономность является неочевидным и может породить научную дискуссию, было бы контрпродуктивным утверждать, что подобные формы робототехники лишены возможности появления.

Из этого следует, что неучитывание явления автономности однозначно образовывало бы неполноту работы.

Представляется логичной, аргументированной и последовательной позицией автора, который интерпретирует автономность через способность самостоятельного принятия решений и осуществления действий в отсутствие заранее заданной последовательности действий в некоторых обобщенных ситуациях. Суть подобной интерпретации в том, что интеллектуальная деятельность в обыденном понимании неизменно связывается именно с эвристической функцией, состоящей в способности познания нового, пусть это и состоит в определении для собственных целей некоторой последовательности действий.

Из этого прямо следует вывод о том, что в ситуациях, когда поведение робота детерминируется деятельностью его собственных нейронных связей, едва ли возможно говорить о причастности к совершенному роботом преступлению физического лица. В том значении, когда феномену причастности придается правоприменительная практика, следует понимать участие человека, посредством комплекса определенных действий (бездействия) в выполнении объективной стороны преступления. Безусловно, науке и практике известны случаи, когда преступное воздействие причиняется опосредованно, путем использования орудий и средств, однако сути феномена причастности данное обстоятельство не меняет, в отсутствие волевых усилий человека, выраженных вовне посредством определенных действий, причинение вреда было бы невозможным. Сами по себе орудия и средства только повышают причиняющий потенциал и вне воздействия человека не способны повлечь общественно опасный деликт. Обратная ситуация с автономными роботами.

Следует согласиться с мнением соискателя о необходимости выработки и обсуждения вероятно возможных правовых мер воздействия на факты потенциального причинения вреда автономными роботами.

Заслуживает поддержки и является перспективным решением соискателя об определении родового объекта преступных посягательств автономных роботов как общественных отношений, обеспечивающих мир и безопасность человечества. Действительно, наделение робота одновременно и вооружением, и способностью принимать самостоятельные решения влечет существенные угрозы, локализация которых, ввиду их трудно моделируемого характера и последствий, требует задействования международных,

наднациональных правовых и административных процедур. Только в рамках международной архитектуры безопасности возможно эффективное и достаточное устранение угроз, порождаемых автономными вооруженными роботами.

В свою очередь, названное не исключает, а наоборот предполагает необходимость включения в уголовное законодательство норм об ответственности за действия по созданию и применению таких роботов.

Кроме того, заслуживает отдельного обсуждения предложенный соискателем состав преступления, в котором описаны видовые признаки вышеуказанных деяний. Полностью справедлива его формальная конструкция, отграничивающая признаки, характеризующие объективную сторону, указанием только на действие. Сам факт осознанного, выраженного в объективной реальности устремления лица, прямо и непосредственно направленного на создание автономного вооруженного робота.

Подобная структура позволяет криминализовать противоправные действия до того момента, когда автономный вооруженный робот будет создан и повлечет широкий спектр особо тяжких последствий.

В то же время, важно отразить материальные гарантии, исключающие возможность необоснованного уголовного преследования лиц, действия которых только по внешним признакам совпадали с созданием автономного робота, однако фактически таковыми не являлись, ввиду отсутствия прямого умысла — обязательного признака субъективной стороны формальных составов.

Безусловно, установление обстоятельств, подтверждающих признаки состава преступления, производится в рамках процедур, установленных процессуальным законодательством,

однако, материально-правовая конструкция состава преступления в значительной степени детерминирует предмет и пределы доказывания по конкретному уголовному делу.

Тем не менее, изложенное не нивелирует научной и практической ценности работы соискателя, призванной решить одну из наиболее насущных проблем современности и сформировать эффективную уголовно-правовую охрану общественных отношений, связанных с робототехникой, выработать конкретные, реально действующие правовые механизмы, адекватно и в полном объеме способные предотвратить неконтролируемое развитие автономным цифровых технологий.

Исходя из представленных в автореферате данных, диссертационное исследование является самостоятельным, оригинальным, законченным научным исследованием, содержащим новые для уголовно-правовой науки предложения и рекомендации.

Таким образом, содержание автореферата диссертации свидетельствует о том, что диссертационное исследование И. Р. Бегишева на тему «Уголовно-правовая охрана общественных отношений, связанных с робототехникой» соответствует требованиям Положения о присуждении ученых степеней, утвержденного постановлением Правительства Российской Федерации от 24 сентября 2013 г. № 842 и Порядка присуждения ученых степеней в Казанском федеральном университете, предъявляемым к диссертациям на соискание ученой степени доктора наук.

На основании вышеизложенного полагаю, что Бегишев Ильдар Рустамович заслуживает присуждения ему ученой степени доктора юридических наук по специальности 12.00.08 — «Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право».

Отзыв рассмотрен и одобрен на заседании кафедры предварительного расследования Санкт-Петербургского университета МВД России (протокол № 19 от 29.03.2022 г.).

Дата поступления статьи / Received: 04.04.2022.
Дата принятия статьи к публикации / Accepted: 20.08.2022.